

В селе Архиповка Россошанского района Воронежской области, где родился Алексей Закурко, его до сих пор хорошо знают и вспоминают добрым словом. Здесь в далеко-далеком 1936 году он окончил семь классов неполной средней школы. После трех лет учебы в Россошанском педагогическом училище вернулся в родную школу преподавать географию. 16 февраля 1940 года молодого учителя призвали на действительную службу в армию. С этого памятного дня для А.Я. Закурко начался невероятно трудный, полный лишений и опасностей путь, который не закончился даже с окончанием Великой Отечественной войны.

НА ЗАПАДНОЙ ГРАНИЦЕ

Службу в армии Алексей Закурко начал в полковой школе младших командиров 307-го запасного инженерного батальона. Через четыре месяца напряженной учебы его выпустили сержантом. Продолжил службу в своей же части, вскоре переименованной в 193-й отдельный саперный батальон, в апреле 1941 года часть, в которой служил сержант Закурко, перевели в Литву в местечко Юдренай под Клайпедой, чтобы строить на новой границе долговременные оборонительные сооружения. Война уже, как черная туча, нависла с запада. От места, где располагался батальон, до Восточной Пруссии было всего шесть километров, а в батальоне на полтысячи бойцов имелось 130 винтовок и один

Алексей Яковлевич Закурко

пулемет. Политруки эту фактическую безоружность объясняли красноармейцам батальона так: нам нужно показать немцам, что мы пришли сюда строить, а не воевать.

Батальон располагался на хуторе зажиточного литовского крестьянина. Хозяина не было — то ли за границу бежал, то ли энкеведешники в Сибирь отправили. Красноармейцы саперного подразделения размещались на чердаке огромного амбара, куда по наклонному бревенчатому помосту можно было заезжать на телеге. Красноармейцы и младшие командиры жили вместе. Спали на трехъярусных нарах на набитых соломой матрацах. Работать приходилось по 12–14 часов в сутки. Вручную рыли котлованы, дробили камень, делали бетон для приграничных дотов и взлетной полосы, строившегося рядом военного аэродрома.

С начала июня установилась необычная для Прибалтики жаркая погода. Тяжелые земляные работы под палящим солнцем изматывали людей. Чтобы хоть как-то разнообразить питание, в редкие свободные минуты бойцы ходили неподалеку в магазин за продуктами. Мест-

ные лавочки «заграничных» клиентов встречали недобро. Советские деньги демонстративно сметали с прилавка. Положение на границе становилось все напряженнее...

Утром 22 июня батальон, как обычно, подняла труба горниста. По направлению к границе недалеко от расположения части находился большой карьер. Там почти всегда грохотали взрывы, с помощью которых добывали камень. Поэтому не было ничего удивительного в том, что командиры и красноармейцы батальона, в котором служил сержант Закурко, огонь немецкой артиллерии вначале приняли за работу своих подрывников. В батальоне все было спокойно до того момента, когда старший лейтенант, заменявший ушедшего в отпуск комбата, произнес слово «война». Из штаба батальона поступила команда: всем взять матрацы, отнести за два километра от населенного пункта и вытряхнуть из них солому. Старший лейтенант приказал снять тригонометрическую вышку. Все это красноармейцы батальона проделали спокойно, без паники. После этого личный состав батальона построили поротно в походном порядке и повели на восток. Колонна саперного подразделения выглядела совсем не воинственно, большинство красноармейцев несли на плечах лопаты, кирки, топоры, пилы. Прошли километров десять. Немцев по-прежнему было не видно и не слышно.

На проселочной дороге батальонную колонну остановил какой-то начальник с четырьмя шпалами в петлицах. Вместе с ним было несколько военных с автоматами, а на обочине стояла машина, нагруженная ящиками с боеприпасами. Полковник приказал командиру саперов передать в его распоряжение людей, у кого были винтовки, а остальным выдать по гранате и продолжать двигаться в тыл. Немцев, хоть и не было слышно, но, по словам полковника, получалось, что они успели опередить отступающий батальон километров на сорок.

После этой встречи саперы шли еще двое суток, почти не отдыхая. Держа-

были глухие прорезлов, лесных троп, удаленных от автодорог, по которым непрерывным потоком двигалась вражеская техника. На третий день на привале старший лейтенант вызвал Закурко к себе.

— Бери, сержант, полторку и кровь из носа, а доставь пакет нашему командованию в Псков, чтобы оно нас за пропавших не посчитало.

Батальон располагал единственной грузовой машиной, которая была оборудована газогенераторным двигателем. Были тогда у нас такие автомобили, что работали на дровах вместо бензина. Шоферил на этой машине лихой парень Федя, обладавший не только мастерством вождения, но и умением найти выход в критической обстановке.

Наутро следующего дня они добрались до Риги. С трудом протискиваясь по узким, запруженным военным транспортом улочкам города, выехали на одну из центральных площадей. Обезьяная стоящие слева и справа машины, Федя виртуозно крутил баранку. Они уже преодолели большую часть площади, когда неожиданно с разных сторон, по преимуществу с верхних этажей зданий был открыт плотный автоматноружейный огонь по скоплению машин и людей. Сразу трудно было понять, откуда стреляли. Людей на площади охватила паника, они метались из стороны в сторону, попадая под пули. Федя не растерялся в этой неразберихе. Он заставил Закурко остаться в кабине, бросив сквозь зубы: «Сиди в машине, выскочи!» Рывком нажал на педаль газа и на полной скорости повел машину к ближайшей улице. Так и выскочили на окраину Риги.

Впереди у дороги стоял с поднятой рукой старый еврей с подростком. Федя притормозил.

— Возьмите нас с сыном, — попросил беженец и, указывая на мальчика, добавил: — Он пионер, боюсь, что немцы его убьют.

— Дорогу знаешь? — спросил шофер.

Еврей кивнул головой.

За Ригой взяли еще двоих красноармейцев. Из брошенного склада запасались продовольствием. С топливом для машины проблемы не было — дрова брали из лесных полениц, сложенных лесниками еще в мирное время.

До старой границы, которая проходила у города Остров, доехали без приключений. Феде удалось стороной незаметно проскочить пограничный контрольно-пропускной пункт, у которого царило настоящее столпотворение.

ОПАСНОЕ ЗАДАНИЕ

В Псков приехали засветло. После того как Закурко доставил пакет по назначению, его откомандировали в Новгород, в 25-й отдельный инженерный батальон. Здесь он был зачислен в команду подрывников, которой поручили опасное задание: семнадцати саперам предстояло взорвать переправу через реку Шелонь, находившуюся в 25-ти километрах от Новгорода. Сложность состояла в том, что взрыв необходимо было организовать после того, как немецкие танки переправятся на берег, занятый нашими войсками. Командование рассчитывало таким путем отсечь немецкую бронетехнику от пехоты. Сама переправа состояла из деревянных барж, которые удерживали прогоны и мостовой настил. Подрывникам подвезли несколько тонн взрывчатки, которую саперы заложили в баржи. У каждого заряда должен был дежурить кто-нибудь из бойцов.

Закурко отчетливо слышал отзвуки боя, доносившиеся со стороны станции Сольцы. Через переправу непрерывным потоком двигались отступающие войска. В небе все время кружила «рама» — немецкий самолет-корректировщик, который управлял огнем своих артиллеристов. Вражеские снаряды время от времени поднимали высокие столбы воды рядом с переправой. К мосту с правой и левого берегов почти вплотную подступали улицы двух деревень. От прямых попаданий начали загораться бревенчатые избы. Огонь быстро охва-

тывал целые порядки домов и все ближе подступал к переправе. От близких пожаров на баржах плавилась смола, кое-где возгораясь коптящим пламенем.

Первым сорвал с себя бушлат и бросился сбивать огонь красноармеец Игнатов. Вслед за ним в сарай с боеприпасами кинулся Закурко. Едва они успели вынести последний смертоносный ящик, как крыша сарая рухнула.

Ко второй половине дня пожар стих. Саперы вместе с лейтенантом прилегли передохнуть на баржах. Вокруг стояла тревожная тишина. Дорога к переправе опустела: ни повозок, ни машин, ни людей, которые еще недавно двигались почти сплошным потоком. А за деревней на противоположном берегу реки вдоль большака стеной поднималась пыль. Сначала саперы подумали, что к переправе приближалась большая колонна противника. И, наверное, каждому из них в тот момент нестерпимо хотелось бежать в тыл, подальше от этого ужаса. Ведь подрывную команду для инициирования взрыва снабдили только огнепроводными шнурами. Они должны были оставаться в баржах до тех пор, пока немецкие танки пройдут по мосту, и только потом, на глазах у вражеских солдат, поджечь шнуры.

Но что это? Стоящее над дорогой пыльное облако стало передвигаться не к мосту, а к станции Сольцы. К радости саперов вскоре выяснилось, что наша, только что вступившая в бой дивизия, с боем выбила немцев из станции Сольцы, и необходимость во взрыве моста отпала. Наоборот, переправа теперь нужна была наступающим войскам для связи с тыловыми службами.

Команду подрывников тут же сняли с переправы. Саперам дали пятидневный отпуск. Их отвезли в тыловой городок Шимск, расположенный между рекой Шелонью и Новгородом. Местное население отсюда уже полностью эвакуировали. Получилось, что в дни отдыха семнадцать саперов подрывной команды были единственными обитателями опустевшего Шимска. Саперов никто не

беспокоил, если не считать навевывавшегося к ним майора Золотникова из разведотдела штаба фронта. Он подолгу беседовал с красноармейцами, интересовался их настроением, самочувствием, рассказывал интересные случаи из своей довоенной студенческой жизни, а под конец обязательно сводил разговор к работе разведчиков во вражеском тылу. В последнюю встречу с саперами он тоже был немногословен. Сразу перешел к делу: «Кто согласен идти служить в разведку, собирайтесь, поедете со мной. Тех же, кто сомневается, завтра вернем в батальон».

ВО ФРОНТОВОЙ РАЗВЕДКЕ

Сержант Закурко без колебаний решил ехать с Золотниковым. Из семнадцати подрывников в совхоз Борки под Новгород, где находилась база разведчиков, согласились отправиться десять человек. Там их сразу взяли в оборот. Учиться пришлось буквально от восхода и до захода солнца. В классах не засиживались, над конспектами не горбились, а осваивали новую науку больше на практике. Здесь готовили сразу три разведывательные и диверсионные группы. На все про все отвели одну неделю. Ситуация на фронте менялась стремительно, и командованию позарез нужны были сведения о маневрах противника. Поэтому наскоро подготовленные разведгруппы, не откладывая, перенесли на линию фронта. Вот так Алексей Закурко на 24-й день войны оказался в тылу у немцев в псковских лесах под городом Опочка. Он входил в группу лейтенанта Комкова, которой было поручено провести разведку глубокого тыла противника. Разведчики вели наблюдение за шоссевыми дорогами, выявляли места концентрации немецких войск, собирали сведения об их численности и составе. Проводить диверсии группе запрещалось.

Первое задание для сержанта Закурко закончилось благополучно через две недели. Разведчики группы без потерь вернулись на «большую землю», про-

шли тщательную проверку в Особом отделе, определявшем степень благонадежности каждого разведчика, побывавшего на вражеской территории. Группа немного отдохнула и снова отправилась во вражеский тыл с новым заданием.

Уже в феврале 1942 года командование отметило заслуги Алексея Закурко орденом Красного Знамени. Представляя разведчика А.Я. Закурко к следующей награде, начальник 3-го отделения разведотдела штаба Северо-Западного фронта майор Лихайван писал: «Закурко А.Я. с июля 1941 года работает заместителем начальника разведывательно-диверсионной группы. 5 раз выбрасывался с парашютом в тыл противника для выполнения специальных заданий военного совета Северо-Западного фронта. Участвовал в совершении диверсионных операций на участке железной дороги Порхов—Псков, Псков—Карамышево. Под руководством т. Закурко пущено под откос 9 воинских эшелонов противника с живой силой и техникой. Повседневно ведет разведку врага и дает ценные разведанные о противнике в интересах фронта...»

Накануне Нового 1943 года Закурко перешел линию фронта в составе группы Виктора Федоренко. В группе было 10 разведчиков: 8 мужчин и 2 девушки. На этот раз опасная «командировка» затянулась. Командование фронта строжайше запрещало членам разведгруппы ввязываться в драку. Для штаба фронта иметь в тылу врага свои «глаза и уши» было важнее пущенных под откос вражеских поездов. Разведчики обязаны были своевременно передавать командованию информацию о передвижениях войск противника по железным и шоссейным дорогам. Немецкая контрразведка сбилась с ног в стремлении обнаружить разведгруппу, чтобы ее немедленно уничтожить. Положение у разведчиков было сложным. В группе за 9 месяцев трижды менялись командиры. Лейтенант Федоренко подорвался на mine. Сменивший его Белюшев был ранен в стычке с власовцами, после чего

командирскую роль пришлось взять на себя А.Я. Закурко.

Немецкая контрразведка в борьбе с подпольщиками, диверсантами и партизанами применяла разные методы. Она не только засылала в неблагонадежные районы своих шпионов, но также все чаще использовала для выявления мест расположения народных мстителей ложные «партизанские» отряды. Именно встреча с таким отрядом-подставой закончилась для Закурко и его группы трагически.

13 октября он с разведчиками Владимиром Егоровым и Геннадием Сорокиным захватили село Темерево. Один из местных жителей им сообщил, что на село наступают партизаны. Разведчики чуть было не столкнулись с ними за деревенской околицей. Человек семьдесят шли к селу, развернутые в цепь, с приготовленным к бою оружием. Эти «партизаны» сразу не понравились Закурко. Он не мог понять, что заставило их наступать на село, где не было ни немецкого, ни власовского гарнизона.

Выскочили на окраину села. Вперед простиралось поле, на котором лишь кое-где росли жидкие кусты. Укрыться негде, а «партизаны» их уже заметили и подняли крик: «Лови полицаев! Вперед, за Родину, за Сталина!». Сзади раскатисто загрохотала пулеметная очередь. По веткам кустов защелкали разрывные пули. Падая на землю, Алексей отметил про себя: «А патроны-то у них немецкие». Разведчики несколько раз поднимались, бежали что есть мочи и снова падали. Пулемет захлебывался очередями, но было ясно, что огонь ведется не прицельно. Преследователи явно хотели взять разведчиков живыми.

Падая после очередной перебежки, Закурко услышал хриплый голос Егорова: «Ребята, я ранен!» Алексей бросился к нему, позвал, но тот уже не откликнулся, сраженный разрывной пулей.

Бежать дальше не было смысла. Все равно перестреляли бы как куропаток. Закурко с Сорокиным развернулись в сторону преследователей и открыли по ним огонь из автоматов. Те сразу же на-

чали обходить их справа и слева. Патроны у разведчиков скоро кончились. Закурко вынул гранату, отогнул зажим чеки и положил ее рядом в шапку — это для себя. Автомат Геннадия тоже смолк. Пуля задела его правую руку.

ПЛЕН

Алексей поднял голову, чтобы осмотреться. Рядом с ним стояли две лошади, всадники которых направили на него свои автоматы. На их кубанках были нашиты красные ленточки, а в одном из всадников Закурко признал девушку. Раньше ему никогда не приходилось видеть или слышать, что в подразделениях у немцев или власовцев воевали женщины. Его на миг охватило сомнение: «А может, и вправду перед ним свои?» Он поднялся в недоумении со словами: «Товарищи! Ведь друг друга бьем!»

«Товарищи» мигом окружили разведчиков, отобрали у них оружие, а один вихрастый ловкач тут же снял с руки Закурко часы. К ним подъехал верховой со знаками отличия старшего лейтенанта и с ехидцей бросил: «Не думал, что мы так встретимся».

Разведчиков повели в ближайший дом. В горнице за столом сидел капитан в кожаном реглане, который сразу же поинтересовался, какой недавно разведчики получили груз и где его спрятали. Закурко на вопрос ответил вопросом:

— С кем имею дело?

Ухмыльнувшись, капитан со скрытой угрозой в голосе ответил:

— Скоро узнаешь. Поделится бы тем, что руководители прислали группе. Нам для диверсий тол нужен позарез.

— Я бы поделился, но сам нахожусь в сложном положении. Три дня назад пропал мой заместитель, который принимал груз, а где он его забазировал, я не знаю. Постоянное же место определить ему мы не успели.

— Как работает рация? — продолжал допрос капитан.

— Рация в порядке, радист у нас — что надо.

— Может, позволишь мне радиogramму в центр отправить? Наша рация почему-то забарахлила.

— Рад бы помочь, но не могу по той же причине. Радист еще не дал о себе знать...

Закурко давно понял, что за «капитан» перед ним, и напряженно думал над тем, как ему выкрутиться из этой смертельно опасной ситуации.

Под вечер всех арестованных со связанными руками отвели на ближайший полустанок и на товарняке отвезли в город Остров, в тюрьму местной полиции. Здесь Закурко занялись немецкие контрразведчики. Его допрашивали почти непрерывно и держали впроголодь — кусок хлеба и стакан воды в сутки. Не добиться от арестованного желаемой информации так и не смогли и отправили в город Летцен, расположенный в Восточной Пруссии, в специальный лагерь.

В конце 1943 года гитлеровское руководство после жестоких поражений вермахта под Сталинградом и на Курской дуге лихорадочно искало себе подручных для борьбы против наступающей Советской Армии. Контингент в спецлагере был разношерстным. Здесь сидели не только военнопленные, но и те, кто добровольно перешел на сторону врага. В лагере на особом положении находились русские офицеры из эмигрантов. Они щеголяли в старой армейской форме и, держась в стороне от пленных, забавлялись выпивкой и преферансом.

Сюда регулярно наведывались вербовщики для отбора пополнения в разведшколы и власовские формирования. Закурко на первых порах нашел хороший повод уклониться от этой вербовки. В тюрьме он подхватил чесотку. Его поместили в лечебницу, где Алексей быстро нашел взаимопонимание с пленным врачом из Ленинграда Григорием Павловичем Кузнецовым, который постарался продлить болезнь своему пациенту. Но бесконечно водить за нос дошлых лагерных надсмотрщиков им не удалось. Закурко вскоре уличили в злостном саботаже и умышленном укло-

нении от службы германскому рейху. За это его сначала отправили в штрафной лагерь 1-В в Гогенштайне, а оттуда в числе 200 военнопленных офицеров-штрафников перевезли в Западную Германию под Ганновер.

От Нинбурга до небольшого хутора Кляйнлессена военнопленных гнали пешком в наручниках, скованных цепями попарно. На обширном помещицьем дворе стоял большой коровник. Новичков разместили на чердаке на трехъярусных деревянных нарах.

На следующий день, ни свет ни заря, военнопленных отвезли на грузовиках за тридцать километров к станции Дипхольц, возле которой находился большой военный аэродром. Их возили сюда каждый день. Объем работ задавала американская авиация, регулярно бомбившая взлетные полосы. Русских пленнх заставляли как можно быстрее засыпать воронки. Перед работой их разбивали на группы по 30 человек, с которых не спускали глаз шесть конвоиров.

ПОБЕГ

Мысль о побеге не давала покоя Алексею Закурко. Как-то он сказал об этом своим товарищам и узнал, что они озабочены тем же. Ночью, тайком собрались на чердаке скотного сарая, чтобы наметить план действий. Больше всего внимания уделили разоружению охранников. Для этого отобрали наиболее физически сильных членов группы. Важно было также раздобыть карту и компас, без которых пройти сотни километров по территории враждебной Германии было невозможно. К предстоящему побегу каждый был обязан приготовить для себя НЗ, состоящий из пайки хлеба, маргарина, соли, спичек и веревки.

В конце июля у Закурко и его друзей все было готово к побегу. Но случилось непредвиденное. Американская авиация неожиданно прекратила бомбежки аэродрома под Дипхольцем. Военнопленных стали возить на работу в раз-

ные места. У товарищей, вместе с которыми Закурко задумал побег, не было возможности попасть в одну группу.

Утром 5 августа 1944 года при распределении на работу Закурко попал в команду из 10 человек, которых с одним конвоиром послали в поле прочистить дренажную канаву. Случай для побега Алексей посчитал подходящим, несмотря на то, что из тех, кто собрался бежать, в эту рабочую группу попали только двое — капитаны Дмитрий Вовенко и Василий Лебедев. И сам Закурко попросился в команду в последний момент. План действий обсудили на ходу. Вовенко предстояло завладеть оружием конвоира. Алексей при этом должен был отвлечь внимание немца, а Василий — их подстраховывал. Немца решили не убивать, а только снять с него одежду.

На работу военнопленные отправились с граблями, косами, вилами, наковальней и молотком для отбивки кос. В канаве стали так, чтобы тройка организаторов побега работала на одной стороне, а на другой — остальные. Охранник присел на бугорке с книжкой, положив винтовку рядом с собой на траву. Вовенко сделал вид, что у него затупилась коса. Он взял молоток с наковальней, подсел к немцу и начал отбивать косу. Алексей зашел в канаву и, не спеша, двинулся к конвоиру, держа в руке сигарету, чтобы попросить у немца огонька.

И тут Вовенко бросился к немцу, схватил его винтовку и громко закричал: «Хенде хох!». Немец опешил. Он таращил глаза, не понимая, зачем пленный заставлял его поднимать руки. Дмитрий щелкнул затвором, но патрон застрял в патроннике. Опомившийся немец проворно вскочил и бросился бежать в сторону хутора. «Уйдет, гад!» — мелькнуло в голове у Закурко, и тут же почти автоматически он швырнул молоток охраннику вдогонку. От удара тот как-то неестественно согнулся и закружился на месте. Алексей схватил его и хотел свалить, но немец, здоровенный детина, устоял на ногах и попытался вырваться. «Вася, ко мне!» — позвал на

помощь Закурко. Ребята подросли вовремя.

Обезоруженного и поверженного на-земь немца быстро раздели и разули. Капитан Вовенко хотел надеть немецкую форму и, изображая конвоира, поскорее увести товарищей от этого места. До обеда их искать не будут, и беглецы смогли бы уйти далеко. Хороший замысел не сработал по простой причине. Мундир и штаны оказались Дмитрию впору, а сапоги никак не налезали на его крестьянские ножищи. От идеи пришлось отказаться. Мешкать было нельзя еще и потому, что в полуторага метрах от них на мостике, перекинутом через канаву, остановился прохожий, явно заинтересовавшийся происходящим.

— А где немец? — спохватился Закурко.

— Черт с ним, с немцем! Уходим! — поторопил Вовенко.

Добежав до ближайшей рощи, осмотрелись — среди них не было Яценко. Алексей считал его своим земляком: до войны он работал в Липецком военкомате. Яценко звали, искали вокруг — нету, пропал человек. Вернулись на опушку рощи и увидели Яценко на том самом мостике, где до этого стоял прохожий. Рядом с ним был охранник в белых трусах. Яценко снял свой китель, набросил его на плечи немца, и они побежали в сторону хутора. Вовенко хотел по ним стрелять, но его вовремя остановил Закурко: обнаруживать себя не стоило. Нужно было, не мешкая, уходить подальше от этого места и попытаться надежнее укрыться от погони. Вовенко командовал: «Врассыпную!» — после чего все бросились в разные стороны.

Алексей побежал за Дмитрием. Сзади он слышал топот ног и думал, что это бежит Лебедев. Когда же на другом конце рощи они остановились, чтобы перевести дух, то вместо Лебедева увидели рядом Ивана Полтавца. Василий же, скорее всего, присоединился к Аркадию, с которым воевал в одном батальоне. Однако времени для раздумий и сожалений не было. За рощей спустились в канаву и пошли по воде, чтобы сбить

со следа овчарок. Несколько раз выходили то на один берег, то на другой. Им повезло, что в то утро выпала обильная роса и крестьяне задержались с выходом в поле.

Впереди замаячила вышка лесника. Сверху обзор хороший, и оттуда их могли заметить. Трава тоже почти высохла. Спрятаться решили в ближайшей роще. Под деревьями нашли муравейник, разрыли и потоптались в нем. Тут же все помочились и испачкали свою обувь образовавшейся жижей. Эти простые способы спасения от четвероногих ищек Закурко усвоил за те месяцы, которые ему пришлось находиться во вражеском тылу. В роще выбрали раскидистый куст орешника. Алексей прикрил Вовенко и Полтавца прошлогодней листвою: «Вы, хлопцы, тут поспите, а я рядом буду сторожить». Роща, где они спрятались, была небольшой. Ее со всех сторон окружали поля, с которых доносились голоса людей, убиравших урожай. Закурко напряженно вслушивался в звуки начинающегося сельского трудового дня. Громкий, похожий на команду окрик заставил его насторожиться. Затем послышались еще крики и хриплый лай собак. Алексей ощутил холодок между лопатками. Ему нестерпимо захотелось броситься наутек от приближающейся погони. Но паниковать в их положении было действительно смертельно опасно. Беглецам ничего не оставалось другого, как затаиться и ждать. При этом — ни звука, ни единого шороха.

На лесной опушке четко различались команды офицера и топот солдатских сапог. Собаки долго кружились на месте. Закурко казалось, что вот-вот их обнаружат. Но, похоже, их нехитрые предосторожности подействовали, и лай сбитых с толку овчарок стал отдаляться. Только солдаты ушли недалеко от рощи, как на поле, где работали женщины, внимание Закурко привлек громкий разговор. Ему удалось разобрать несколько слов. Это были пленные дехчата, которых немцы вывезли из Белоруссии. По солдатской ругани, по про-

тестующим выкрикам женщин Алексей понял, что офицер начал их допрашивать. На все его вопросы женщины отвечали, что они никого не видели и ничего не слышали. Это раздражало фашиста.

Неизвестно, чем бы закончился этот допрос, если бы в отдалении не прозвучало несколько выстрелов. Офицер и солдаты бросили женщин и побежали в том направлении, откуда доносилась стрельба. Алексей и его спутники вздохнули с облегчением. Они пролежали под ореховым кустом до наступления темноты. Перед восходом луны, когда сумерки сгустились, беглецы вышли из рощи и по свекольному полю побежали в ту сторону, где, по предположению Закурко, пасся скот. В Германии коровы пасутся на привязи, без пастуха. Возле них можно было наконец-то напиться и откашляться, не опасаясь, что тебя обнаружат преследователи. Здесь же перекусили тем, что прихватили с собой в сумках. Прежде чем двинуться дальше, Закурко на звездном небе нашел Полярную звезду. Северное направление выбрали не случайно. Алексей понимал, что в первые дни после побега преследователи наверняка постараются перекрыть им путь на восток.

Идти решили по одному на расстоянии. Первым шел Закурко, вслед за ним, шагах в двадцати, двигался Полтавец и приблизительно на таком же удалении замыкающим был вооруженный винтовкой Вовенко. Алексей был все время начеку. Ему приходилось выбирать путь при тусклом лунном свете в совершенно незнакомой местности. В таком положении уши, как говорится, держали остро. Ловили каждый звук, каждый шорох, чтобы вовремя спрятаться, затаиться, избежать нежелательной встречи. Попадись они на глаза любому немцу, их сразу обложили бы, как волков на охоте, и наверняка быстро поймали.

Укрыться днем от посторонних глаз на почти безлесной равнине, где возделывался каждый клочок земли, было тоже непросто. Первую дневку при-

шлось провести в роще у края торфяного поля. В канаве сделали подстилку из веток, а вокруг натякали небольшие сосенки. Укрытие оказалось вполне надежным, и беглецам удалось хорошо отоспаться до наступления сумерек. После отдыха захотелось подкрепиться, но в сумках было почти пусто. Теперь Закурко пришлось не только напряженно вглядываться в темноту и вслушиваться в ночную тишину, но и думать, как добыть пропитание.

Первые дни пришлось питаться тем, что удавалось находить на полях, огородах, в садах. Только на подножном корме долго не протянешь, а им предстояло пройти сотни километров. За свою жизнь Алексей никогда и ничего не украл, разве что колоски с колхозного поля, а тут, хочешь не хочешь, приходилось начинать по-настоящему воровское существование.

Ночью заглянули на хутор к зажиточному крестьянину. Через небольшую дверцу цокольной части дома по наклонному бетонному желобу Закурко проник в подвал. Полтавец остался ожидать его снаружи, а Вовенко в стороне наблюдал за домом, чтобы предупредить товарищей, если неожиданно появится кто-нибудь из жильцов.

Алексей набил сумку продуктами, но вылезть обратно не смог. Колени скользили вниз по гладкому дну крутого желоба, а руками ухватиться было не за что. Закурко испугался не на шутку — сам залез в западню. Ему уже начало казаться, что положение безвыходно, как вдруг вспомнил про лежавшую в сумке веревку. Он бросил ее конец Полтавцу и при его помощи выбрался наружу.

Наверху к всеобщему разочарованию сумка Алексея была пустой. Собранные продукты в суматохе он оставил в подвале, когда искал веревку. Уже покидая хуторской двор, Иван Поставец прихватил с собой живого гуся, предусмотрительно засунув его голову под крыло. Этот единственный трофей ему пришлось тащить до следующей дневки.

СКИТАНИЯ ПО РЕЙХУ

На берегу небольшой речушки беглецы спрятались в густом кустарнике. Первым делом зарезали гуся. Полтавец выпотрошил его и разрезал на куски. Все смотрели на разложенное на листьях мясо, и каждый думал: «Если бы можно было развести огонь...».

Закурко первый взял гусиную шейку и начал ее потихоньку обгладывать. Сырого гуся беглецы жевали до вечера. После им придется еще не раз охотиться на домашнюю птицу немецких бауэров, и они придут к общему мнению, что в сыром виде вкуснее всего (хотя вряд ли здесь уместно употреблять слово «вкусно») утка, а курицу просто в рот взять невозможно.

Алексею как разведчику недопустимо было повторять однажды совершенную ошибку. В следующий раз, спускаясь в подвал, он предусмотрительно запасся длинной жердиной, по которой легко и быстро выбрался наверх с туго набитым мешком. Однажды Закурко прихватил с собой несколько выделанных кож. Из них беглецы сделали удобную мягкую обувь. Сделать ее не составило большого труда: разрезали на подходящие куски, проделали дырочки по краям, затянули шнурки — и готово. Главное, в такой обуви они ступали практически бесшумно.

Август подходил к концу. День заметно укорачивался, отдавая часы набирающей силу ночи. Появилась возможность увеличивать ночные переходы и тем самым ускорить приближение к заветной цели. Им нужно было поторапливаться еще и потому, что до наступления холодов оставалось совсем немного времени, а у них не было ни теплой одежды, ни подходящей обуви. Однако увеличить расстояние переходов было непросто. Много времени отнимала добыча пропитания. Закурко стремился свести до минимума риск операций по изъятию продуктов из частных кладовых. А для этого им приходилось долго наблюдать за заранее облюбованным домом, ожидая, пока

все его обитатели крепко уснут. В подвалах Алексей работал быстро, как заправский домушник. Закрывал окна, зажигал свечу и выбирал то, что считал для них подходящим. При этом старался не оставлять следов своих нелегальных «заимствований». Например, банки с домашними консервами брал не у края полки, а от стены, колбасу и ветшалку срезал не подряд, а в разных местах. Однажды попался уже надрезанный большой бисквитный торт. Закурко не взял его весь, а только отрезал кусок. Но даже такая осторожность не могла уберечь от неожиданностей. Первый раз такое случилось еще под Ганновером, вскоре после того как они повернули на восток. Поздно вечером с горы спустились в долину. Впереди показались неясные очертания большого крестьянского дома, в котором светилось лишь одно окно на втором этаже. Бесшумно пробрались на просторный хозяйственный двор и затаились у стены длинного сарая в ожидании, когда в окне погаснет огонь. Около полуночи Закурко направился к той части дома, где, по его предположению, находилась кухня. Вовенко с Полтавцем следовали в нескольких шагах. Алексей подошел к двери кухни, и в этот момент громкий мужской голос подал команду собаке. Бежать в таком положении было бесполезно. Закурко лег у стены кухни, а его спутники — вдоль бревен, сложенных посередине двора. Собака вела себя странно. Она со зловонным рычанием бросалась вперед и снова возвращалась к идущему за ней хозяину. Полагая, что крестьянин его заметил, Алексей поднялся и сразу же оказался в крепких руках. Отчаянно вырываясь, он позвал на помощь Дмитрия. Тот подскочил, ударил немца прикладом по голове и бросился наутек. Удар получился вскользь. Крестьянин на секунду отключился, но полуитальянской накидки, которая прикрывала плечи Закурко, из рук не выпустил. Воспользовавшись моментом, Алексей выпутался из накидки и бросился догонять товарищей.

Следующие две недели прошли без происшествий, а в последний день августа Закурко опять чуть было не заступали. Поначалу все шло хорошо: легко открыл дверцу, бесшумно спустился в подвал, Полтавец передал вниз мешок. Осталось занавесить окно и зажечь свечу. И в этот момент совершенно неожиданно под потолком загорелась электрическая лампочка, и сверху раздался громкий крик: «Банде! Банде!» После Алексей никак не мог вспомнить, как ему удалось выскочить из подвала. Бежали без оглядки по полю километра два, пока расплывшийся от непрерывного жевания Иван не начал задыхаться. В тот вечер пришлось подкрепляться колбасой из неприкосновенного запаса. А пять дней спустя, ровно через месяц, после того как они совершили побег, произошло несчастье.

Поздно вечером на спящей деревенской улице они повстречали немца в гольцшуге (деревянных башмаках). Уже по самой обуви было понятно, что это крестьянин-бедняк, батрачивший на местного бауэра. Закурко решил на этот раз не домушничать, а просто попросить, чтобы немец вынес им за деревенскую околицу хлеба, немного сала и спичек. Крестьянин вроде бы охотно согласился и тут же вернулся с несколькими бутербродами и неполной коробкой спичек. То, что он принес на троих мужиков, было мало, но посылать его второй раз за добавкой в их положении было бы опрометчиво.

Получив еду, они направились в поле к большой, стоявшей на пригорке скирде, окруженной в три ряда колючей проволокой. И в тот момент, когда замыкавший шествие Вовенко преодолел последний ряд заграждений, со стороны деревни прогремели винтовочные выстрелы.

Алексей бросился за скирду, пролез под двумя рядами ползком проволоки, а третий ряд перемахнул сверху. Он все время слышал за спиной топот ног и надеялся, что это бежит Дмитрий, но когда остановился, чтобы перевести дух, на него чуть не налетел Иван Полтавец.

— А где Вовенко? — еще не отдышавшись, спросил Закурко.

— Не знаю, — выдохнул из себя совсем выбившийся из сил Иван. — Я думал, что вы побежали вместе.

— Нужно искать, — решил Алексей.

Они хотели вернуться к скирде, но там уже были немцы. С той стороны сверкнуло несколько огоньков, и снова прогремели выстрелы. Пули провистели в стороне и выше. Закурко и Полтавец легли на землю. Подали сигнал свистом, надеясь, что Дмитрий их услышит. В ответ — только еще более частые выстрелы. Они почти час бегали по полю под огнем, не переставая звать Вовенко, но тот так и не откликнулся. О том, что с ним случилось, Закурко мог только догадываться. У него за спиной висели длинная винтовка и портфель с неприкосновенным запасом. И именно эта громоздкая ноша, скорее всего, помешала ему быстро преодолеть забор из колючей проволоки.

Весь следующий день Алексей с Иваном пролежали в зарослях тростника у какого-то озера. День был пасмурным, крапывал мелкий дождик. Настроение у Закурко совсем упало. С потерей Вовенко его вера в успех такого невероятно сложного побега поколебалась. Полтавец же с самого начала казался ему не очень надежным товарищем. Но оставаться в центре вражеской страны совсем одному было еще хуже.

Дождавшись ночи, они пошли дальше, теперь уже вдвоем, к той далекой и труднодостижимой цели, которую в официальных германских сводках называли Восточным фронтом. Закурко понимал, что предаваться горестным мыслям в их положении было непозволительной роскошью. Ведь надеяться они могли только на себя.

Через пятьдесят ночей после исчезновения Вовенко они вышли к Эльбе. Эту широкую судорожную реку пришлось преодолевать вплавь. Почти час провели в воде, а был уже конец октября. Когда у Закурко ногу свело судорогой, думал, что придется распрощаться с жизнью. Но, наверное, не судьба — в

уже мгновение ноги коснулись отмели, и он прошагал по дну до берега.

За Эльбой Закурко с Полтавцем в течение трех недель продолжали свое опасное путешествие без вынужденных погружений в студеную речную воду. Перед вечером 18 ноября, поднявшись на холм, они снова увидели перед собой большую реку. Спускаясь по тропинке к берегу, беглецы встретили четырех девушек, возвращавшихся с работы и о чем-то громко говоривших между собой. Первая реакция была: повернуть в сторону, чтобы избежать встречи с ними, но в самый последний момент ухо Закурко уловило родную русскую речь. Вот так встреча! Девчата тоже обрадовались, когда два подозрительных парня в поношенной форме немецких солдат заговорили с ними на их родном языке без акцента. Алексею приятно было узнать, что девушек привезли сюда из Орловской области. Здесь, на далекой Неметчине, они для него, вороньца, были землячками. Он смотрел на эти милые, дорогие лица, и слезы невольно подступали к его глазам.

Алексей и Иван на прощание поблагодарили девчат и грустно пошутили: «Если нас поймают и будут вешать, приходите проститься. Нам веселее помирать будет». Девчата встретили эту печальную шутку без улыбки, пожелали благополучной переправы и пошли своей дорогой. После встречи Алексею сразу стало тоскливо. Погода тоже действовала угнетающе. Весь день шел мокрый снег, а под вечер повалил крупными влажными хлопьями. Они с Полтавцем спустились в речную пойму и спрятались в густых прибрежных камышах. Их одежда была мокрой, а промозглый холод пробирал, что называется, до костей. Просидев в камышах до сумерек, они так и не решились переправляться вплавь через Одер. Пошли вниз по реке туда, где, по словам девчат, между берегами курсировал паром.

На паром беглецы пробрались в темноте благополучно. Присели на скамейку в носовой части и с замершими сердцами стали ждать конца переправы.

Уже когда подошли к противоположному берегу, немец, управлявший паромом, осветил на них карманным фонариком. Этого было достаточно, чтобы понять, кто они такие. На пристани к ним подошел жандарм и потребовал предъявить документы. Предъявлять было нечего, и Закурко с Полтавцем отвели в камеру предварительного заключения. Случилось это в тринадцати километрах от города Кюстрина на сто четвертый день побега. В ту ночь в КПЗ дежурил пожилой надзиратель, который неожиданно проявил к арестованным сочувствие, поделившись ужином. На этот жест немца подвигло воспоминание о том, что в Первую мировую войну ему пришлось побывать в русском плену, и его тоже кормили добрые русские люди.

СНОВА ПЛЕН

Утром задержанных военнопленных перевели в карцер. В тесной камере стоял один топчан. Его занял Иван, а Алексей лег на пол. Чтобы не задохнуться от каменного смрада, он жадно вдыхал воздух, проникавший из щели под дверь. В полдень заскрежетал дверной запор. Закурко не успел оторвать голову от пола, как получил сильный удар ногой от ввалившегося в камеру полицая. Последовавший после этого многоэтажный мат подсказал узникам, что в карцере «опекать» их будет соотечественник. Небрежно, как собакам, он швырнул им по куску черствого хлеба и поставил на топчан две кружки воды. И тут же отработанным сильным ударом поднял дремавшего Полтавца, строго предупредив, чтобы впредь его встречали только стоя. Процедил сквозь зубы: «Ешьте, скоты», вышел, громко хлопнув окованной дверью. Так они познакомились с надзирателем Иваном из Кировской области.

Полицай-соотечественник бил своих подопечных по поводу и без повода. И похоже было, что он давал волю своим кулакам не из желания выслужиться, а от потребности дать выход своей внутренней злобе. Эти побои, само собой, не до-

ставляли узника удовольствия, но зачастую они сами напрашивались на мордобой. Жизнь в тесной камере была до того бесцветной и монотонной, что оплеуха надзирателя воспринималась как желанное разнообразие. Особенно злил своего тезку Полтавец. Он любил петь и старался показывать свои вокальные способности после отбоя. Этим он доводил Ивана-полицая буквально до иступления, особенно, когда исполнял «Интернационал». Совсем по-другому относился к заключенным начальник КПЗ. Этот аккуратный, уравновешенный, благоговевший перед законом немец не терпел самоуправства. Когда Закурко пожаловался ему на то, что надзиратель отобрал у него часы, он строго отчитал полицая и тут же заставил их вернуть. Однажды начальник даже спросил у Алексея, что он может для них сделать. Закурко высказал пожелание, чтобы тот оставил их в здешнем лагере. В ответ немец только развел руками:

— Этот лагерь предназначен для англичан и американцев, а вы — русские. И еще, вы совершили тяжкое преступление — нарушили сразу несколько германских законов военного времени. Судьи вас обвинят в злостном саботаже и дезертирстве. Вы три с половиной месяца нелегально проживали на территории рейха, занимаясь грабежом. По нашим законам вас можно судить уже за то, что вы пили крестьянское молоко, предназначенное к сдаче государству. У нас сейчас цельное молоко имеют право пить только кормящие матери.

В КПЗ под Кюстрином Закурко с Полтавцем просидели больше трех недель. В одну из декабрьских ночей их неожиданно поднял Иван-полицай. В кабинете начальника КПЗ им надели наручники и вместе с шестью другими арестованными под усиленным конвоем отправили на вокзал.

Поезд шел медленно, со всеми остановками. Перед рассветом вагон стали заполнять едущие на работу пассажиры. Закурко не мог не думать о том, что их ожидает. Невеселые мысли вызвали чувство безысходности, нагоняли

тоску. Чтобы от них отвлечься, Алексей попросил товарища что-нибудь спеть. Полтавец запел сразу, как будто еще до просьбы друга уже безмолвно, про себя, пел эту песню, а теперь она вырвалась на волю и зазвучала для всех:

Маю жинку, маю диток, да я их ны бачу,
Як згадаю про их долю, сам гирко заплачу.

Вагон сразу затих. Немцам непонятны были слова, но красивая мелодика грустной украинской песни, выходявшей из тоскующей души пленного, тронула всех. Конвоиры тоже слушали молча, а их начальник так ничего и не предпринял, чтобы пресечь явно вызывающее поведение арестанта. А Полтавец продолжал петь, и слезы катились по его давно небритым щекам. Когда закончил, к нему подошла пожилая немка, вынула из сумки небольшой сверток и положила на полу его шинели. За нею стали подходить и другие пассажиры, и каждый оставлял пленному что-нибудь в знак благодарности.

После Полтавец разделил неожиданно собранное подаяние поровну между всеми товарищами по несчастью, и они в последний раз нормально поели, перед тем как долгие месяцы ежедневно голодать за колючей лагерной проволокой.

Вечером приехали в Веймар. До лагеря шли пешком. Восемь этапников посредине дороги и четыре конвоира вокруг них. Погода окончательно испортилась. Сырой пронизывающий ветер кружил крупные хлопья снега. Начальник конвоя все время поторапливал: «Шнеллер, шнеллер!» (быстрее). Песня его уже не волновала, и теперь перед ним были не люди, а «русские свиньи». Алексей чувствовал, что выбивается из сил. На деревянные подошвы его гольцшуге все время налипал снег, и каждый шаг отдавался в коленях острой болью.

БУХЕНВАЛЬД

Когда совсем смерклось, пленные подошли к большим металлическим воротам, над которыми бросалась в глаза зловещая надпись по-немецки: «Каждо-

му свое». Их привели в тот самый Бухенвальд, который потом на Нюрнбергском процессе судьи назовут лагерем смерти.

Заскрежетали ворота, втягиваясь в боковую стенку. Во дворе лагеря с прибывших военнопленных сняли наручники и направили на санобработку. В предбаннике всех заставили раздеться. С собой никаких вещей брать не разрешили, кроме носков и носовых платков. Перед душевыми камерами каждый должен был, закрыв предварительно глаза и нос, нырнуть в бассейн с дезинфицирующим раствором. После бани их в чем мать родила перегнали в другое здание. Здесь вновь прибывшие заключенные получили одежду. Никакой предварительной примерки. По очереди подходили к окну, из которого выбрасывали рубашку, брюки, полосатый пиджак, мюце (шапочку). Закурко достались слишком маленькие ботинки. Он попросил заменить. Ему тут же выбросили другие, сильно поношенные, но почти впору. Обратиться с повторной просьбой, чтобы обменяли обувь, не дали. В этом заведении не терпели заманок. Быстрее на выход, и бегом в семнадцатый барак. Старший по бараку, рослый и внешне суровый немец, показал новичкам места на нарах. Обитатели семнадцатого звали его просто Вилли. Коммунист-тельмановец, он тянул лагерную лямку с 1933 года. В наказание за побег ему несколько лет назад отрубили все пальцы на ногах.

Соседями на нарах у Закурко оказались испанец, норвежец, поляк и немец. При знакомстве — обычные вопросы: как зовут, откуда, чем занимался, как попал в лагерь? Алексею, как новичку, пришлось больше говорить о себе. Вечерами он рассказывал соседям о своих приключениях на фронте и во вражеском тылу.

В один из первых дней пребывания Закурко в Бухенвальде, когда заключенные из барака № 17 шли на плац, идущий сзади заключенный, несколько раз наступил Алексею на пятки. Обернувшись, он встретился взглядом с ко-

рэнастым человеком средних лет, который кивнул Закурко, мол, отойдем в сторону. Этот заключенный оказался белорусом, бывшим политруком партизанского отряда.

— Ты, парень, веди себя осторожнее и поменьше рассказывай о фронтовых похождениях. Не забывай, где ты находишься.

Алексею дали понять, что в этом лагере за поведением узников следят не только надзиратели, и он решил впредь быть осмотрительнее. В одну из ближайших ночей его разбудил Вилли.

— Одевайся. Пойдешь с ним, — указал он на стоящего рядом заключенного. — С тобой хотят поближе познакомиться.

Шагая по спящему лагерю вслед за своим проводником, Закурко терялся в догадках. Куда и зачем его вызвали? Он уже слышал рассказ о том, как заключенные ночью сажают приговоренных на камень, а утром выносят под рогожей на свалку. Неужели и ему уготована такая участь?

Провожатый подвел Алексея к обычной барачной двери, открыл ее и пригласил войти. За дверью — большая, неярко освещенная комната. Посредине ее стояли составленные в виде буквы «т» столы, за которыми сидели человек десять одетых в лагерную форму мужчин. Один из них предложил Закурко сесть и спросил:

— Кушать хотите?

— Если можно... — робко, с нескрываемым недоумением ответил он, весь поглощенный вопросом: «Куда же я попал?»

Принесли миску с едой. Алексей ел, а члены этого странного президиума негромко разговаривали между собой. Когда он закончил, предложили добавку. Отказываться не стал, и не только потому, что не наелся, а больше оттого, что увидел в этом хороший признак для себя, ибо вряд ли они стали бы досыта кормить человека, которого хотели в чем-то обвинить.

После необычно обильной трапезы с Алексеем началась беседа. Вопросов ему

задавали много, охватывая время от рождения до побега. Добивались подробных обстоятельных ответов. Особенно досконально разбирались в делах военных. Где и с кем выполнял задания во вражеском тылу, как попал в плен? Некоторые вопросы задавали по несколько раз, чтобы сравнить ответы. Все это заняло несколько часов. И последний вопрос был от «дяди Коли» (так заключенные за глаза называли полковника Красной Армии Симакова): «Готовы ли вы умереть за своих лагерных товарищей?» Закурко ответил утвердительно. В эту памятную ночь он был принят бойцом в батальон, который лагерное подполье создавало для освобождения заключенных.

В январе 1945 года Алексея неожиданно перевели в один из филиалов Бухенвальда. Здесь его послали работать на военный завод, располагавшийся в старой соляной шахте. На новом месте Закурко сразу приняли как своего. Связь между центром и филиалами работала надежно. Большинство заключенных, работавших на этом заводе, были также вовлечены в подготовку восстания, которое должно было начаться по сигналу: «Котел взрывается одновременно». Алексею сообщили номера двух заключенных, с которыми он должен был в первые минуты восстания ликвидировать охранника в одном из секторов подземного завода.

До выступления оставались считанные дни, когда Закурко перевели в другой филиал лагеря, располагавшийся в городе Шонебеке под Магдебургом. Здесь он поступил в распоряжение «дяди Вани» (шахтера из Донбасса), который поручил ему роль связного. Его напарником оказался земляк — танкист Сергей Рогачук из Алексеевского района. На новом месте Закурко не пошел на работу, а постоянно находился в бараке или возле него, поближе к «дяде Ване». Обстановка в это время была непредсказуемая. Фашистская Германия агонизировала под ударами армий союзников. Среди заключенных ходил слух, что американские войска уже под Маг-

дебургом. Дорога в сторону Мюнхена была забита колоннами отступающих немецких дивизий и машинами с беженцами. Филиал лагеря должны были вот-вот эвакуировать. Закурко и Рогачук сбились с ног, передавая из барака в барак распоряжения «дяди Вани»: «Если из лагеря заключенных поведут в сторону карьера, нужно, не дожидаясь общего сигнала, поднимать восстание».

Одиннадцатого апреля заключенных выстроили на лагерном плацу. За ворота выходили группами по четыреста человек, каждую из которых охраняли сорок конвоиров. В этот момент в небе неожиданно появились истребители и сразу же открыли огонь по скоплению людей. Налет нарушил порядок эвакуации лагеря. Заключенных уже не делили на группы, и их общая, утратившая четкие ряды колонна растянулась на многие сотни метров. На подходе к Эльбе дорога пошла по насыпи, к которой справа и слева подступал густой кустарник. Недалеко от моста человек двадцать заключенных бросились к кустам. Конвоиры открыли по ним огонь из винтовок, но никто из охранников даже не попытался преследовать беглецов. Рогачук тихонько толкнул Закурко:

— Давай за ними!

— Погоди. Перейдем мост, потом.

Солнце закатилось за горизонт. Вечерние сумерки быстро сгущались. Колонна заключенных растянулась еще больше, а конвоиры, наверное, из-за опасения за свою жизнь, стали собираться по несколько человек вместе. Алексей не знал, что именно в это время, в ночь с одиннадцатого на двенадцатое апреля 1945 года, в Бухенвальде восстали заключенные. Кажется невероятным, но восставшие этого строжайше охраняемого лагеря оказались неплохо вооруженными. У них было 128 винтовок, фаустпатроны и радиостанция. Охрана, почти не сопротивляясь, покинула лагерь.

За мостом Закурко оглянулся назад. Солдаты, сбившись кучкой, в полусотне метров от них шагали по обочине дороги.

— Теперь пора...

Он стремительно рванулся к краю насыпи и кубарем покатился вниз. «Только бы ничего не сломать», — мелькнуло в голове. Спуск, к счастью, прошел удачно. Быстро поднялся на ноги и нырнул под ивовые кусты. Заросли скоро кончились, а за ними началась пашня. Бежать стало тяжело, ноги взили в рыхлой земле. С дороги слышалось несколько выстрелов, но пули пролетели высоко над головой.

Алексея догнал Сергей. За ними еще кто-то бежал. Потом Закурко услышал, как бежавший за ними человек, споткнулся и упал. Пришлось вернуться. Они помогли заключенному подняться. Тот совсем обессилен и со слезами в голосе просил: «Не бросайте, не бросайте меня, ребята!». Так к ним присоединился бывший армейский контрразведчик Иван Наумович Коваленко из Кировоградской области.

И опять для Закурко начались скитания по Германии, уже знакомые по первому побегу. Прежний опыт очень пригодился Алексею. Ему опять пришлось выбирать дорогу и проявлять находчивость в добыче пропитания. Отличие было только в том, что теперь они отказались от ложных маневров и сразу повернули на восток — навстречу наступающей Советской Армии.

Первая неделя после побега для них прошла благополучно, а в начале следующей, 19 апреля, случилось несчастье. Беглецы пробирались вдоль изгороди дачного поселка. Полная луна только что выглянула из-за верхушек деревьев темневших впереди леса. Стояла чуткая полночная тишина. Резанувший слух громкий винтовочный выстрел слился со страшным криком Сергея Рогачука. Пуля попала ему в голову, и когда Алексей нагнулся над ним, тот уже не подавал признаков жизни. Оставив мертвого Сергея около изгороди, Закурко с Иваном Коваленко побежали к лесу. По ним больше не стреляли, погоны тоже не было. Вот так же, как и раньше, Алексею пришлось продолжать путь со случайным попутчиком. Тогда

они еще не знали, что до встречи со своими остались считанные дни.

В то утро, 23 апреля, пробираясь по лесу рядом с проселочной дорогой, Алексей отчетливо расслышал протяжное «Но-о-о» и вскоре увидел несколько подвод, на которых ехали русские бойцы. Свои! Оказалось, разведчики 5-го танкового корпуса. Фронтовики встретили узников Бухенвальда действительно по-братски. Сочувствовали, проявляли трогательное внимание. Разведчики сразу взяли их с собой, переодели и дали строгий наказ повару кормить гостей, когда те пожелают. Закурко не сидел, сложа руки. Отрабатывая харчи, помогал разведчикам, активно участвовал в облавах на разрозненные группы фашистов. В подразделении они с Ковалевым пожили около недели, а потом их вызвали в особый отдел. Там допросили и отправили на сборный пункт, где таких, как они, собрали уже несколько тысяч. Здесь пару дней покантовались и — в эшелон.

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА РОДИНУ

До границы с Советским Союзом они ехали вроде как победители. А когда ступили на свою территорию, отношение к ним резко изменилось. Теперь все они превратились в людей, подозреваемых в измене Родине. Эшелон разгрузили возле Невеля, и его пассажиров погнали в лес. Сюда, на необустроенную, но уже огражденную территорию, свезли около 20 тысяч офицеров, освобожденных из плена. Здесь Закурко пришлось вспомнить строительные навыки. Предварительно без суда заключенные, они сами должны были валить деревья и сооружать из бревен примитивное жилье. В это же время военные следователи неустанно занимались проверкой каждого офицера, которую называли «фильтрацией».

Алексея Закурко допрашивал майор Ежов. Поначалу он старался быть сдержанным, спокойно отвечал на многочисленные вопросы следователя. Но время проходило, а вызовы на допрос

продолжался, и это все больше раздражало Алексея.

— Сколько вы меня будете проверять? — допытывался он у следователя, рискуя испортить с ним отношения. — Я совершил два побега из фашистских лагерей, а вы мне не верите!

— А кто знает, где и для чего вы бегали? Вас было всего только двое, и подтвердить ваши показания больше никому. Да и куда это вы так спешите?..

Проверяли разведчика Закурко больше полугода. Освободили 4 декабря, накануне Дня Сталинской Конституции. Он мог ехать на все четыре стороны с двумястами рублями в кармане, а буханка хлеба в то время стоила 120 рублей.

Направился в Псковскую область, где в 1943 году воевал, где его знали местные подпольщики и партизаны, где он оставил своего самого большого и верного друга — Татьяну Ивановну Янсон. Псковичи встретили Закурко радушно. Он снова оказался среди людей, с которыми почти год близко общался, выполняя опасное задание командования в тылу врага. Эти люди искренне желали ему добра. Они подарили ему пальто и собрали немного денег, чтобы он смог съездить в Москву, где надеялся отыскать начальника разведотдела Северо-Западного фронта полковника Деревянко, у которого перед последним заданием остались его документы и ордена. В столице своего бывшего начальника Закурко найти не смог. Для частного лица получить информацию о полковнике армейской разведки у военных чиновников было невозможно.

В феврале 1946 года Алексей Яковлевич Закурко вместе с Татьяной Ивановной Янсон, ставшей к тому времени его женой, вернулся в родную Архиповку. Его мать, Мария Федоровна, встречала сына, можно сказать, с того света. Она уже похоронила его заочно в 1943 году: тогда в разведотдел фронта радист разведчиков передал сообщение, что их командира группы немцы повесили. В хату Марии Федоровны горе в тот год пришло в третий раз. Ее муж, Яков Мо-

исеевич, еще в 1942-м пропал без вести где-то под Севастополем, а младший сын, Митрофан Яковлевич, воевавший в батальоне лыжников, сложил голову в 1941 году под Москвой. Возвращение сына для вдовы фронтовика было одновременно и утешением, и напоминанием о невосполнимых утратах.

Алексею Яковлевичу тоже недолго пришлось радоваться возвращению на родную землю. В соответствующих органах ему сразу же дали понять, что его «профильтровали» еще не до конца и поэтому полноправным гражданином страны не считают. Вместо обычного «молоткастого, серпастого» Закурко получил временное удостоверение с красной полосой, которое лишало его права выезжать за пределы Россошанского района. Поиски работы тоже не дали результата. В районо ему вежливо ответили: «Ждите до нового учебного года». Алексей Яковлевич пошел в райком хлопотать о восстановлении в партии, но и там ему дали от ворот поворот. Военная судьба разведчика Закурко не укладывалась в прокрустово ложе постановлений и указаний, которыми руководствовались партийные чиновники.

— Посудите сами, — говорили ему, — мы имеем документ, что вас повесили немцы, а вы, оказывается, живы. Как вы уцелели? Может, ценой предательства? Где ваши партийные документы? Кто за вас может поручиться?

От общения с местными партийными и советскими властями у Закурко появлялось горькое чувство безысходности. Порой ему даже казалось, что в фашистском плену ему было не так тяжело, как на родной земле, когда ему пришлось вступить в еще одну войну — за свое честное имя. В то время единственной опорой и настоящим другом была его жена Татьяна Ивановна. В марте 1946 года директор Архиповской школы решил принять Закурко на работу завхозом. В следующем учебном году новый завхоз переквалифицировался в учителя начальных классов. Одновременно поступил учиться на физмат Россошанского учительского

института, который окончил спустя два года. А вузовскую учебу Алексей Яковлевич завершал в Воронежском педагогическом институте.

Алексей Максимович Горький однажды сказал, что человека создает сопротивление окружающей среде. Наш учитель из Архиповки на своем личном примере убедился в истинном значении слов писателя. Семь лет он потратил на запросы в соответствующие ведомства, чтобы ему вернули его награды. В партию ему пришлось вступать заново в

1961 году, а негласный надзор за бывшим военным разведчиком органы госбезопасности сняли только в конце семидесятых.

Алексей Яковлевич Закурко отработал в Архиповской средней школе ровно сорок лет, из которых девять лет был завучем и пятнадцать — директором. За это время Архиповскую школу закончили четыре поколения учеников. И в их памяти Алексей Яковлевич навсегда остался лучшим учителем, добрым и честным человеком.

